

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 811.161.1'28

doi: 10.17223/22274200/38/2

О графических особенностях рукописных материалов в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей

Мария Владимировна Боброва¹

¹ *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
bomaripgu@yandex.ru*

Аннотация. В связи с проблемами верификации данных диалектных словарей рассмотрены некоторые принципы работы с рукописными материалами, способствующие достоверности графической репрезентации вокабул в словарях: обозначены графологические подходы к интерпретации графем; обобщены наблюдения о неразличении и переразложении рукописных вариантов графем; представлены ряды нейтрализуемых букв и сочетаний букв. Сделаны выводы о способах предупреждения ошибок при идентификации слова по рукописным материалам.

Ключевые слова: диалектная лексикография, рукописные материалы, верификация, графологический анализ, графические ошибки, нейтрализация графем, переразложение графем

Благодарности. Автор искренне благодарит анонимных рецензентов за важные замечания и рекомендации.

Для цитирования: Боброва М.В. О графических особенностях рукописных материалов в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 29–49. doi: 10.17223/22274200/38/2

Original article

On the graphical features of handwritten materials in connection with data verification problems in dialect dictionaries

Maria V. Bobrova¹

¹ *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation, bomaripgu@yandex.ru*

Abstract. In light of data verification challenges in dialect dictionaries, this article examines several principles for working with handwritten materials that contribute to the accuracy of the graphical representation of lexical entries in dictionary publications. It outlines graphological approaches designed to facilitate the reading of handwritten texts in archival and card index collections. Drawing on graphonomic theory, a classification of handwriting features significant for grapheme identification is presented. This classification accounts for both general and specific characteristics, such as typical movement forms, handwriting speed, degree of grapheme connectivity, structural complexity of graphemes, movement form, element length, and others. Using concrete examples, the application of this classification for systematizing error types in determining the graphical form of words is demonstrated. Observations on handwritten variants of graphic signs are summarized, highlighting how the misidentification or faulty decomposition of their elements leads to errors in representing lexical entries in dialect dictionaries. Phenomena such as the uniform execution of typical strokes when writing heterogeneous graphic elements (graphemes), complexified and simplified spellings of similar letterforms, individual peculiarities in writing specific letters, the degree of connectivity between letter elements, and the conflation of letter and non-letter graphic elements are illustrated. Errors made by compilers of dialect card files are specifically noted. These theoretical foundations and observations are linked to V. V. Shapoval's term, "position of letter neutralization". As a result of synthesizing the author's and predecessors' lexicographic experience, sets of letters and letter combinations most frequently subject to neutralization during reading are presented. For ease of use, these sets are organized in an alphabetized register and subdivided into groups based on the number of neutralized graphemes. Current methods for preventing errors in word identification from handwritten materials are discussed. Using a single dialect word as a case study, the article demonstrates the considerable complications lexicographers face when the accuracy of a record

is suspect, necessitating additional research and deeper etymological analysis of the unit in question. It substantiates the possibility of an erroneous lexical entry: *tsepushka* (the wall of the Russian oven), presented in one regional dictionary, potentially being a misrepresentation of *tselushka* (one of the two vaulted holes in the front wall and the wall of the furnace, between which the smoke from the furnace passes into the chimney). Conclusions are drawn regarding the high degree of responsibility borne by dialect lexicographers and the critical importance of "graphical vigilance" in their work.

Keywords: dialect lexicography, handwritten materials, vocabulary identification, verification, graphical errors, grapheme neutralization, grapheme decomposition

Acknowledgments. I would like to thank the anonymous reviewers for their important comments and recommendations.

For citation: Bobrova, M.V. (2025) On the graphical features of handwritten materials in connection with data verification problems in dialect dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 29–49. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/2

Введение

Вслед за рядом предшественников мы обратились к проблемам достоверности данных диалектных словарей. Как справедливо отмечал И.Г. Добродомов, «составление диалектных словарей обычно сопряжено с целым рядом трудностей, которые лексикографами не всегда удачно преодолеваются, поэтому вполне закономерны претензии критики к надежности словарного материала...» [1. С. 183]. Справедливый негативный отзыв лингвистов нередко вызывают ошибочные фиксации не существующих в реальности лексем, в отношении которых использовались многочисленные обозначения. Наиболее употребительным в этом ряду стало понятие «фантом» («фантомное слово»), которое, вероятно, в настоящее время претендует уже и на статус термина. Проблеме словарных фантомов посвящены многочисленные публикации (например, работы Л.Ю. Астахиной, О.С. Ахмановой, А.М. Бабкина, В.Д. Бондалетова, А.С. Герда, И.Г. Добродомова, А.В. Жукова, А.Ф. Журавлева, Л.Л. Крючковой, Д.С. Лихачева, М.М. Маковского, А.М. Молдована, Б.Ю. Нормана, Н.В. Поповой,

Н.И. Толстого, Н.С. Трубецкого, В.И. Чернышева, М.И. Чернышевой, А.Н. Шаламовой, В.В. Шаповала, А.К. Шапошникова, а также Х. Вальтера, В.В. Дубичинского, В. Махека, М. Фасмера и многих других). В отдельных публикациях и сериях статей поднимается вопрос о сомнительных вокабулах в диалектных словарях, в том числе в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) (см., например, [2–8] и др.).

По разнообразным причинам в словарях продуцируются, умножаются и тиражируются фантомные единицы, в том числе вследствие своеобразия почерков собирателей или составителей картотек (а в последнем качестве, как известно, нередко выступают студенты, не имеющие достаточной подготовки для такой работы). Приходится констатировать, что, «к сожалению, почти в каждом словаре можно найти совершенно причудливые слова, не свойственные русскому языку, отражающие особенности почерка собирателя, представляющие собой недопустимые искажения» [6. С. 97]. Очевидно, что необходимо вырабатывать подходы, которые помогут верифицировать сомнительные данные уже на стадии подготовки словарных статей, а далее избежать необходимости констатировать ошибки по факту выхода словарей в свет.

Такие вопросы регулярно возникают в процессе работы с первоисточниками, и это побудило нас к поиску обобщений, которые могли бы помочь всем, кто сталкивается с рукописными материалами, но прежде всего составителям диалектных словарей. В настоящем случае намечены способы предупреждения лексикографических ошибок, провоцируемых особенностями написания (графики) в рукописных источниках диалектных словарей.

Ошибки интерпретации рукописей с точки зрения почерковедения

Становится очевидно, что во избежание ошибок прочтения, а далее ошибок при репрезентации вокабул в словаре лексикографу, работающему с рукописными источниками (не обязательно диалектными), следует владеть некоторыми принципами и навыками почерковедческой экспертизы. Несмотря на то, что это направление считается ис-

ключительно юридическим и обычно почерковедение относят к области судебной криминалистики, такие навыки оказываются небесполезными и в работе учителей, проверяющих письменные работы учащихся, и в работе ученых, исследующих письменные материалы, и в работе вообще любых специалистов, анализирующих рукописные данные. Причем в действительности, как показывает практика, при непосредственной работе с первоисточниками приемы графологического анализа используются уже на интуитивном уровне.

С точки зрения графологии изучаются многообразные характеристики рукописей. При расшифровке диалектной записи следует учитывать ряд особенностей почерков, который представлен далее как результат обобщения классификаций, предложенных криминалистами, рассматривающими такие особенности в различной последовательности и оперирующими не всегда сходными терминами (см., например, издания [9. С. 52–128; 10. С. 15–57; 11. С. 31–55]).

1) Общие признаки почерка, отражающие структуру движений по их траектории: а) типичная форма движения (угловатая, петлевая, дуговая, извилистая, изломанная), б) преобладающее направление движений (правонаклонное, левонаклонное, вертикальное, косое, неравномерное), в) размер почерка и отдельных букв, г) разгон почерка (расстояние между отдельными элементами букв, слов, текста, высота букв, расстановка букв и слов), д) степень связности при выполнении отдельных букв, их сочетаний, слов.

2) Частные признаки почерка: а) структурная сложность элементов букв (упрощенное или усложненное написание), б) форма движений (прямолинейная, возвратно-прямолинейная, угловатая, дуговая, извилистая, петлевая, круговая, треугольная), в) направление движения (правокружное, левокружное; сверху вниз, снизу вверх; слева направо, справа налево; сужающееся, расширяющееся относительно основания буквы), г) протяженность элементов (по вертикали, по горизонтали, по площади элементов), д) степень слитности (интервальное, слитное написание элементов), е) количество движений (минимальное при упрощенном строении буквы, с утратой элементов или за счет недооформленности букв; увеличенное с повтором элементов или с внесением дополнительных элементов), ж) последовательность

в написании элементов букв, з) размещение движений (без сдвига или со сдвигом влево, вправо, вверх, вниз).

Это позволяет сделать некоторые собственные обобщения, значимые с точки зрения верификации графического облика слов лексикографом.¹

Регулярно наблюдается, в частности, то, что можно обозначить как «унификацию типичных движений при написании разнородных элементов графических знаков (графем)». Особенности сложности вызывают почерки с преобладанием одного из типов исполнения: дугообразного (петлевого), округлого, прямолинейного (изломанного) (ср. представления об «округлом» или «остром» почерке), в результате чего ослабляется, а в некоторых случаях утрачивается возможность дифференцировать буквы (например, *с* и *е*, *а* и *о*). Иногда затруднительно обнаружить место соединения букв, т. е. разложить слово на графемы, и идентифицировать слово (наибольшие проблемы возникают при сочетании ряда букв с прямолинейными элементами типа *лишшишь*), и положение усугубляется при малой разнице в высоте линейных элементов букв *и*, *л*, *м*, *ш*, а также *т*, *ж*. Ср. в диалектных словарях *бам* ‘челнок-однодеревка’ [15. Т. 2. С. 92] вместо *бат*, *балжаши* ‘шутник, озорник’ [15. Т. 2. С. 82] вместо *бáлмош*, *амы́шица* ‘еж’ [15. Т. 1. С. 253] вместо *ожі́шицо* (*ожі́ще*).

Проблемы восприятия вызываются усложненными и упрощенными написаниями однотипных букв. В отсутствие достаточных по разнообразию буквенного состава и объему образцов текста иногда возникают затруднения в различении усложненных верхних или нижних элементов букв *б*, *в* и *д*, *д* и *у*, *д* и *з*, *у* и *з* (ср. *сою́дный* ‘согласный, дружный’ [15. Т. 40. С. 103] вместо *сою́зный*). Нередко (особенно при быстром начертании) происходит, так сказать, сглаживание отдельных элементов букв, в результате чего смешиваются, например, *д* и *з*, особенно в случае преобладания прямолинейного характера движений, фактического отказа от округлых элементов. Типичный пример

¹ В качестве примеров далее выступают ошибочные вокабулы, обнаруженные как нами, так и другими диалектологами, в том числе иллюстрирующие тексты статей [6–8; 12–14] и др., а также присутствующие в картотеке СРНГ.

упрощенного написания в дореволюционных текстах – редукция частотного конечного ъ (ера) в окончаниях до росчерка или петлевого элемента, напоминающего букву γ. При работе с дореволюционными материалами современным диалектным лексикографам необходимо помнить о букве ъ на конце существительных и прилагательных, а также о букве ѣ и различных нормативных и индивидуальных вариантах их написания.

Нечеткость извилистых элементов становится причиной смешения *г* и *ч* (ср. *пáчетать* ‘рассказывать’ [15. Т. 25. С. 302] вместо *пáгетать*, возникшего под влиянием вепсского языка [12. С. 76]). Один из наиболее частотных случаев – смешение букв *к* – *н* – *п* (например, *кудья́* ‘ночной костер’ [16. Т. 3. С. 52] вместо *нудья́*, *кянь* ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ [16. Т. 3. С. 84] вместо *кянь*, *на́клей* ‘древесный гриб’ [16. Т. 3. С. 333] вместо словоформы *на́клей* из *на́кля*, и под.). При «атрофии» округлого элемента гласной буквы *ы* или, наоборот, усложненном (извилистом) написании букв наблюдается смешение *и* – *ы* (ср. *кы́чепы* ‘орудия для молотбы’ [15. Т. 16. С. 208] вместо *кы́чеги* в первоисточнике).

Имеют место индивидуальные особенности в написании отдельных букв. Так, одна из причин ошибочного прочтения слов – написание *н* с «гипертрофированной волнистой перемычкой» (в терминологии В.В. Шаповала), приводящая к смешению ее с *т*. См., например, в статье [17] рассуждения о фразеологизме *сбить с пахтей* ‘сбить с толку’ [18] – вероятно, вместо *сбить с пахней* с исходной прямой семантикой ‘сбить с ног’.

Еще один значимый признак – степень связности элементов букв. Так, например, характерной индивидуальной особенностью может быть раздельное написание элементов буквы *ф*, из-за чего она ошибочно прочитывается как «ор» (ср. *орэ́ризи* ‘старая женская одежда’ (*Вот эти орэ́ризи от матушки остались*) [16. Т. 4. С. 234] вместо *фэ́рязи* ‘поношенная одежда, обувь’ [16. Т. 6. С. 682]). Сходным образом смешиваются *х* и *ос* (*маосóрник* ‘растение горицвет’ [15. Т. 17. С. 367] вместо *махóрник*), *ух* и *ерс* (*целковэ́рса* ‘яичница-глазунья’ [19. Т. 11. С. 81] вместо *целковóха*). Не учтен фактор связности элементов в случае с фантомным фразеологизмом *порибóн дать* ‘пойти, напра-

виться куда-либо' [15. Т. 30. С. 60] – вместо глагола *порибóндать* 'направиться куда-л. быстрым шагом, побежать'. Ср. также представленные в диалектных словарях вокабулы *аони́на* 'ежевика' [15. Т. 1. С. 264] вместо *ажі́на* (ср. *ежі́на*, *ожі́на*), *арэ́гва* 'артель промышленников' [15. Т. 1. С. 272] вместо *ара́ва* (ср. *ора́ва*) и под.

Особо оговорим «вторичные» ошибки, которые появляются при дублировании первоисточника выборщиками в процессе подготовки рукописных карточек и переносятся далее (при «вторичном» воспроизведении) в словари их составителями при недостаточно внимательном или недостаточно критичном отношении к материалу. Наряду с проблемами идентификации слов по фотокопиям архивных материалов или оригиналам экспедиционных записей это еще одна распространенная причина ошибок, поскольку обычно составители работают с картотекой и не всегда обращаются непосредственно к первоисточникам. Ср., например, контекст: *Вóс'ем спорóф-то стáв'ат*, правильная интерпретация которого оказалась возможной только тогда, когда пришло понимание: хотя написание отдельных графических элементов вполне отвечало нормативному, идентификация букв не вызывала затруднений, но данная запись в карточке являлась результатом ошибочной трактовки первоисточника (здесь – экспедиционной записи), *спорóв* следовало читать как *снопóв*. Аналогичное смешение *н* и *р* при подготовке карточки выборщиком предполагаем в случае с лексемами *цéман* и *цёман* (в подготавливаемом к изданию 53 вып. СРНГ): здесь мы усматриваем неверную интерпретацию частотного слова *чёмор* 'нечистый дух, черт', характерного для территорий, контактных с финно-угорскими языками и культурами.

Причиной ошибки может стать неверное прочтение транскрипции. Ср., например, фантом *девкíда*, оказавшийся сочетанием «*дэ́вки да...*», где диакритический знак «дужка» между существительным и примыкающей постпозитивной частицей был воспринят как знак ударения [17. С. 164]. И поэтому в диалектной лексикографии целесообразно опираться на термин «графема» в понимании А.А. Зализняка, который предложил распространить его не только на буквы, но и на любые графические знаки (см. [20]).

Впрочем, характеристика и систематизация рукописных материалов с точки зрения графологии нуждается в особом внимании и в специальном исследовании.

Ряды часто нейтрализуемых букв и графем

Как справедливо подчеркнул В.В. Шаповал, «при критическом анализе «странной» записи слова происходит, в сущности, перебор и проверка альтернативных прочтений» [21. С. 162]. В отношении таких позиций, предполагающих вариативность интерпретации букв и буквосочетаний, этим исследователем используется удачный термин **позиция нейтрализации букв**. Существенным промежуточным результатом исследований лингвиста стало обобщение рядов нейтрализуемых букв, выявленных им на материале словаря В.И. Даля (всего более 40 рядов) и А.Ф. Журавлевым в серии статей на материале СРНГ (всего 278 позиций) [21]. По нашему мнению, читателю рукописей было бы полезно иметь сводные таблицы таких рядов, в которых все оппозиции (диады, триады, тетрады) для удобства были бы сведены в один реестр в алфавитном порядке, с учетом всех элементов рядов.

Мы обобщили наблюдения наших предшественников и наш собственный опыт, составив такие списки, которые могут быть преобразованы и в табличную форму. «Направление рядов» может быть разным (от исходной графемы к ошибочной или наоборот), что учтено при составлении списка: ряды дублируются на соответствующие буквы. Кроме того, принят во внимание принципиальный характер ошибки, а именно, смешение букв либо переразложение элементов графем, и по этой причине группы рядов первого типа отделены от рядов второго типа (в списочном варианте – разграничены точкой с запятой):

А: а – е, а – и, а – й, а – о, а – л – п, а – ы, а – я, а – ъ; а – ег, а – ог, а – оо, а – ос, а – ье; аг – ом, ал – ём, ао – ео – ж, ап – ош, ар – ер – ор – ср – ж, ар – ус, ас – ой, аст – от, аш – епи, аш – от.

Б: б – в – д, б – г, б – к, б – о, б – т, б – ь.

В: в – б – д, в – е, в – л, в – р, в – с; вс – ш.

Г: г – б, г – д, г – й, г – к, г – л, г – п, г – с, г – т, г – ч; гб – п, ги – ш, гиз – иц, гл – ль, гн – ж, гн – ш, го – и, го – ю, гь – й.

Д: д – б – в, д – г, д – з – у, д – о, д – р, д – т, д – у – ц – щ; дл – ф, дь – т.

Е: е – а, е – в, е – о, е – с; ег – а, ег – я, ед – ц, ек – ос, ел – ы, ем – ич, ео – ао – ж, епи – аш, ер – ар – ор – ср – ж, ер – ор – ф, ер – уг, ерс – ух, ес – к, ет – ип, ет – ир, ец – щ.

Ё: ё (io) – ю; ём – ал.

Ж: ж – к, ж – м, ж – н, ж – т – ш, ж – х; ж – ао – ео, ж – ар – ер – ор – ср, ж – гн, ж – зи, ж – иг, ж – ис, ж – не, ж – ок, ж – ол, ж – он, ж – оп, ж – ус, ж – чк, ж – ян; жт – щ.

З: з – д – у, з – о, з – р, з – т; зд – ф, зи – ж.

И: и – а, и – к, и – л – м – ш, и – н, и – о, и – ч, и – ы; и – го, и – се, и – сь; иг – ж, иг – м, из – щ, ип – ет, ир – ет, ис – ж, ис – пе, ис – ш, ит – т, иц – гиз, иц – щ, ич – ем.

Й: й – а, й – г, й – гь, й – нь, й – ст, й – сь.

К: к – б, к – г, к – ж, к – и, к – л – н, к – н – п, к – п – р, к – х; к – ес.

Л: л – а – п, л – в, л – г, л – и – м – ш, л – к – н, л – р, л – х, л – ц, л – я; лг – м, ле – н, лен – мш, ли – м, ли – ме, ли – ш, ль – гл, лю – мо.

М: м – ж, м – и – л – ш, м – н, м – п, м – т; м – иг, м – лг, м – ли, м – се, м – си, м – ск, м – сп; ме – ли, мо – лю, мш – лен.

Н: н – ж, н – и, н – к – л, н – к – п, н – м, н – о, н – р, н – т, н – х, н – ч; н – ле, н – ст; нг – т, не – ж, нпо – тю, нь – й, нь – т, нь – ш.

О: о – а, о – б, о – д, о – е, о – з, о – и, о – н, о – с, о – ь; ог – а, ог – ы, ой – ас, ок – ж, ол – ж, ом – аг, он – ж, оо – а, оо – ю, оп – ж, ор – ар – ер – ср – ж, ор – ер – ф, ос – а, ос – ек, ос – х, от – аст, от – аш, ош – ап.

П: п – а – л, п – г, п – к – н, п – к – р, п – м, п – х, п – ч; п – гб; пе – ис, пи – ше, пк – т, по – те, пух – тр.

Р: р – в, р – д, р – з, р – к – п, р – л, р – н, р – с, р – ч.

С: с – в, с – г, с – е, с – о, с – р, с – ч, с – ь; са – ш, се – и, се – м, си – м, ск – м, ск – т, ск – ш, со – ю, сп – м, ср – ар – ер – ор – ж, ст – й, ст – н, ст – ш, сц – щ, сь – й, сь – и.

Т: т – б, т – г, т – д, т – ж – ш, т – з, т – м, т – н, т – ч; т – дь, т – ит, т – нг, т – нь, т – пк, т – ск; те – по, то – ь, тр – пух, тю – нпо.

У: у – д – з, у – д – ц – щ; уг – ер, ус – ар, ус – ж.

Ф: ф – дл, ф – ер – ор, ф – зд.

Х: х – ж, х – к, х – л, х – н, х – п, х – ц; х – ос.

Ц: ц – д – у – щ, ц – л, ц – х; ц – ед.

Ч: ч – г, ч – и, ч – н, ч – п, ч – р, ч – с, ч – т; чк – ж.

Ш: ш – ж – т, ш – и – л – м; ш – вс, ш – ги, ш – гн, ш – ли, ш – нь, ш – са, ш – ск, ш – ст; ше – пи.

Щ: щ – д – у – ц; щ – жт, щ – из, щ – ец, щ – иц, щ – сц.

Ъ: ъ – с, ъ – ь.

Ы: ы – а, ы – и, ы – ь, ы – ъ; ы – ел, ы – ог; ыщ – ьщ, ынь – ьми.

Ь: ь – б, ь – о, ь – т, ь – ы; ье – а, ьщ – ьщ, ьми – ьнь.

Ю: ю – ё (іо); ю – го, ю – оо, ю – со.

Я: я – а, я – л; я – ег; ян – ж.

Ѧ: Ѧ – а, Ѧ – ы; Ѧ – то.

В реестре отражены все известные нам к настоящему времени примеры смешения букв и переразложения графем в диалектных словарях и рукописных архивах. Полагаем, однако, что этот список неполон и может быть расширен. При необходимости (например, при прочтении пространных трудночитаемых рукописей одного автора) могут составляться аналогичные реестры, отражающие специфику графем в индивидуальном исполнении, т. е. списки рядов нейтрализуемых индивидуальных аллографов.

Способы предупреждения ошибок при идентификации слова в рукописных материалах

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать некоторые выводы о том, каким образом возможно предупреждение ошибок при определении графического облика слова.

В идеале, безусловно, все рукописные материалы должны быть расшифрованы и переведены в печатный текст, причем с целью возможности верификации такой текст должен сопровождаться сканированным оригинальным первоисточником. Для этого целесообразно создание особых баз данных, сочетающих сканированный и печатный облик первоисточников. Но даже в современных условиях, с учетом высокотехнологичных достижений, этот идеал недостижим, пока не

удастся автоматизировать (прежде всего с использованием искусственного интеллекта) процесс распознавания всех первоисточников, накопленных за столетия развития русской диалектологии. Не менее очевидно при этом, что даже от «компьютерного сверхинтеллекта» не следует ожидать абсолютной безошибочности.

Однако такие перспективы пока безгранично далеки. Сейчас значительным шагом вперед была бы последовательная оцифровка, а в дальнейшем и расшифровка хотя бы тех рукописных и неопубликованных записей, которые имеют наибольшую ценность. Как известно, большая часть архивных материалов уже утрачена (вследствие стихийных бедствий, военных действий, политических и идеологических пертурбаций и по иным причинам), а большая часть сохранившихся данных до сих пор не введена в научный оборот. Но и обнародованные материалы (в диссертациях, сборниках по результатам работы конференций, студенческих проектах и т. д.) часто остаются доступными очень ограниченному кругу исследователей.

На практике же лексикографы не располагают и такими возможностями, обычно они вынуждены «по старинке» обрабатывать карточку за карточкой, не имея доступа к утраченным либо раритетным первоисточникам и полагаясь на свой опыт, знания и языковое чутье. В таких условиях полезно представление о разнице в эталонных прописях различных периодов (дореволюционных, 1930-х гг., 1970-х гг., 2000-х гг.), которые способствовали формированию типичных почерков. При расшифровке конкретной записи продуктивно сравнение написаний букв в несходных условиях: в разных частях текста, в разнообразном окружении, в сочетании с разными (линейными, дугowymi, петлевыми) элементами соседних букв и др. Но в отсутствие таких возможностей, т. е. в небольшом отрезке записи, важно учитывать условия контекста (смыслового наполнения этой записи), ситуацию, в которой он возник, особенности личности автора высказывания, время написания, цель фиксации речи, жанр высказывания (запись живой речи, фиксация отдельных фраз или нарративов, комментариев собирателя, толкование составителя словаря и под.).

Считаем нужным заострить внимание на ответственности, которая лежит на тех, кто обрабатывает первичные данные. Необходимо пом-

нить, что предложенные решения становятся источником дальнейших научных исследований, а в случае ошибки – причиной ее тиражирования. И при малейших сомнениях работа с диалектными данными значительно усложняется, вплоть до того, что приходится проводить дополнительные изыскания.

Приведем лишь один пример из нашей практики, имевший место при написании 53 выпуска СРНГ, который в данный момент готовится к изданию. Полагаем, не может считаться однозначно достоверным гапакс *цепушка* с дефиницией ‘стенка русской печи’, обнаруживаемый в словарях сибирских говоров [22. С. 576; 23. Т. 5. С. 248]. В отсутствие возможности привлечь первоисточник (экспедиционные записи) помощь в разрешении сомнений оказывают иллюстративный контекст, ареальные данные, этимологические поиски и некоторые иные сведения. Прежде всего обратим внимание на контекст: *Между передней и задней цепушками находится труба*, который позволяет уточнить семантику слова: вероятно, это не стенка печи, а один из двух сводов (сводчатых перекрытий над отверстиями) в передней стенке и стенке горнила, между которыми дым из печи уходит в трубу. В поисках объяснения возможного продуцирования «печных» номинаций с корнем *-цеп-* следует учесть идею Е.Л. Березович о позднем сближении корней *-соп-* → *-цеп-* // *-чеп-* [24. С. 92–93]. И можно предположить здесь наличие отношений производности с лексемами *сопуха́*, называющими отверстия для выхода дыма (обычно без дымоходов), откуда далее *сопуха́* ‘сажа’ [15. Вып. 40. С. 9], которые затем притягивают созвучные корни, ср.: вологодское *сопуха́* ‘отверстие в русской печи для самоварной трубы’ – и *чепуха́* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ [16. Вып. 6. С. 224, 769]; рязанское *чепуха́* ‘сопуха, трубная, сажа’ [25. Т. 4. С. 607], *чипуха́* ‘сажа’, *чипушной* ‘цвета сажи, черный’ [26. С. 597]. Справедливы размышления Е.Л. Березович: «Думается, что превращение *сопухи* в *чепуху* произошло не только по фонетическим причинам (смешение *с/ч/ц* вследствие «соканья», «цоканья», «чоканья», когда при деэтимологизации переходы идут в разных направлениях), но и вследствие контаминационных процессов: во-первых, В.И. Даль прав, говоря о возможности притяжения *соп-* → *цеп-//чеп-* (сажа, копать – то, что «цепляется», а затем – метонимичес-

ки – сама поверхность, на которую садится сажа); ...мы считаем, что здесь может быть только вторичное притяжение, а первично корневое *con-*» [24. С. 93]. Однако в нашем случае такой версии сопротивляется тот факт, что мы анализируем гапакс, переходные звенья к которому (вероятна в этом случае цепочка *сѡпѹхѹ* ‘выходное отверстие для дыма’, ‘сажа’ > **цепѹхѹ* > *цепѹшка*) отсутствуют, в новосибирских говорах единицы с аналогичной семантикой зафиксированы только с корнем *-con-*. Более того, если перечисленные лексемы с начальным *ч-* единичны, то аналогичные единицы с начальным *ц-* (помимо анализируемого слова) в говорах не зафиксированы совсем.

Можно, конечно, допустить, что ступень **цепѹхѹ* не была записана случайно, как и множество других низкочастотных слов. Но вместе с тем по данным картотеки СРНГ, именно в сибирских говорах (новосибирских, томских, алтайских, верхнеленских, иркутских, бурятских, амурских) широко используются наименования *переднее* и *заднее цѣло́* для обозначения отверстий в передней стенке и стенке горнила русской печи, между которыми дым из печи уходит в трубу. И, значит, с большой долей достоверности можно предположить, что при чтении рукописного первоисточника было допущено смешение графем *л* и *п*: как *цепѹшка* было прочитано слово *целѹшка*. Немаловажным свидетельством, полагаем, является хотя и не собственно первоисточник, но машинописный вариант рукописи, материалы которой и были далее многократно повторены ее авторами в различных публикациях, а затем транслированы в процитированные выше словари сибирских говоров. Это машинопись, которая хранится в архиве Института лингвистических исследований РАН: Солтан С.Г., Макеенко С.К. Словарь русских говоров Кыштовского р-на Новосибирской области (1968). Стоит обратить внимание, во-первых, на то, что для лексемы *цепѹшка* предложено толкование ‘стенка, образующая свод печи’, при этом различаются *цепѹшка передняя*, «находящаяся на передней стороне печи», и *цепѹшка задняя*, «находящаяся на задней стороне печи»; полагаем, изначально такие дефиниции нуждаются в уточнении (неясно, что понимается под сводом печи и какая стенка с таким сводом обозначена как задняя). Во-вторых, в ряду других в словаре представлены лексемы *челѹ*, *цѣло* ‘место перед печкой с отверстием для тру-

бы́, развитие значения в которых от исходного общерусского *чело́* ‘устье печи’, считаем, заставляет в какой-то степени усомниться в обоснованности и необходимости апелляции к гипотетическому этимону *сопу́ха*. В-третьих, словарная статья «Цепу́шка» располагается между статьями «Цёвка» и «Центро́вка», что в сочетании с уже изложенными соображениями подводит к мысли о неслучайности этого факта и позволяет обнаружить в этом косвенное доказательство смешения графем *л* и *п*.

Таким образом, нельзя утверждать, что все вопросы в отношении лексемы *цепу́шка* ‘одно из двух сводчатых отверстий, сводчатых перекрытий в передней стенке и стенке горнила, между которыми дым из печи уходит в трубу’ сняты окончательно, однако приведенные доводы позволяют с высокой степенью вероятности утверждать, что данная вокабула является фантомной, подменившей реальную лексему *целу́шка*.

Заключение

Так или иначе, как верно указала Н.Ю. Шведова, всем диалектологам необходимо помнить об ответственности автора словаря перед лингвистикой и лингвистами, перед читателями-неспециалистами, перед традицией и перед самим собой [27. С. 13].

В аспекте верного прочтения рукописных источников как условия достоверности лексикографических данных и базирующихся на них научных изысканий целесообразно владение теорией и приемами графологии (основами почерковедческой экспертизы), практическое значение приобретают предложенные выше сводные реестры рядов нейтрализации букв и переразложения графем.

Безусловно, крайне важна «лексическая зоркость» составителя словаря как способность соотнести анализируемое слово с рядом аналогичных лексических, словообразовательных и (или) грамматических единиц, а благодаря этому – вовремя выявить возможную ошибку прочтения рукописи. Для этого лексикографу необходимо, в частности, иметь представление о данном говоре, группе говоров, наречии (об их словарном фонде, словообразовательных и грамматических

особенностях, об истории говоров в связи с этнокультурными и миграционными процессами и др.). Но помимо всего прочего немаловажное значение имеет «зоркость графическая», т. е. способность соотносить рукописный текст с представлениями об особенностях рукописной графики.

Список источников

1. *Добродомов И.Г.* Арготические глаголы с маскировочным суффиксом -ма- в лексикографии // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр. Арзамас, 2011. С. 183–188.
2. *Аникин А.Е.* Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 129–137. doi: 10.17223/18137083/53/14
3. *Боброва М.В.* О фантомах в диалектной фразеографии: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 94–103.
4. *Бурыкин А.А.* Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999 / под ред. С.А. Мызникова. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 46–54.
5. *Журавлев А.Ф.* Лексикографические фантомы 13. СРНГ, Б–П (дополнения) // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 123–135. doi: 10.31168/91674-692-1.1.9
6. *Михайлова Л.П.* Качество собранного материала и вопросы составления диалектных словарей // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: мат-лы науч.-практ. семинара, Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 95–103.
7. *Мызников С.А.* Сводная диалектная лексикография: проблемы верификации в диахронии // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: сб. науч. ст. / науч. ред. С.И. Доброва. Воронеж: Изд-во Ворон. гос. пед. ун-та, 2023. С. 174–180.
8. *Шаповал В.В.* Уровни верификации словарной фиксации редкого слова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2013. Т. 4, № 4. С. 278–283.

9. Судебно-почерковедческая экспертиза / под ред. Е.Д. Добровольской, А.И. Манцветовой, В.Ф. Орловой. М. : Юридическая литература, 1971. 304 с.
10. Рубцова И.И., Соколов С.В., Сысоева Л.А. Криминалистическое исследование общих и частных признаков почерка. М. : ЭКЦ МВД России, 2005. 63 с.
11. Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В.В. Серегина. 3-е изд. Волгоград : ВА МВД России, 2017. 349 с.
12. Мызников С.А. Верификация данных в диалектных лексикографических источниках // Вестник Омского университета. 2010. № 1 (55). С. 75–78.
13. Мызников С.А. «Словарь русских народных говоров»: источники и их лексикографическая интерпретация // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2016. Вып. 14. С. 500–520.
14. Шаповал В.В. Воронежские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (проблемы лексикографической достоверности) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 66–69.
15. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–52. М. ; Л./СПб., 1965–2021.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
17. Боброва М.В. Фразеофантомы в диалектных словарях Пермского края // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 157–171.
18. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.
19. Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой. Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
20. Зализняк А.А. О понятии графемы // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 559–576.
21. Шаповал В.В. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.
22. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 605 с.
23. Словарь русских говоров Сибири: в 5-ти т., 6 кн. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
24. Березович Е.Л. О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай *чепухи* // Вопросы языкознания. 2023. № 3. С. 77–98. doi: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

26. *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовета. М. : Наука, 1969. 612 с.
27. *Шведова Н.Ю.* Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // *Словарь и культура русской речи.* М. : Индрик, 2001. С. 13–16.

References

1. Dobrodomov, I.G. (2011) Argoticheskie glagoly s maskirovochnym suffiksom -ma- v leksikografii [Argonautic verbs with the masking suffix -ma- in lexicography]. In: *"I nezhnyy vkus rodimoy rechi..." : sbornik nauchnykh trudov* ["And the Gentle Taste of Native Speech...": Collection of Scientific Works]. Arzamas. pp. 183–188.
2. Anikin, A.E. (2015) Kritiko-etimologicheskie etyudy: primery nedorazumeniy, netochnostey i fal'sifikatsii v russkoy dialektnoy etimologii i leksikologii [Critical-etymological studies: examples of misunderstandings, inaccuracies and falsification in Russian dialect etymology and lexicology]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* 4. pp. 129–137. doi: 10.17223/18137083/53/14
3. Bobrova, M.V. (2014) O fantomakh v dialektnoy frazeografii: k postanovke voprosa [On phantoms in dialect phraseography: to the formulation of the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* 3 (27). pp. 94–103.
4. Burykin, A.A. (2002) Zamechaniya k probleme leksicheskogo sostava russkikh starozhil'cheskikh govorov Zabaykal'ya i nekotorye soobrazheniya o roli areal'nykh kriteriev v etimologicheskikh issledovaniyakh dialektnoy leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya [Remarks on the problem of the lexical composition of Russian old-timer dialects of Transbaikalia and some considerations about the role of areal criteria in etymological studies of dialect vocabulary of foreign language origin]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 1999]. Saint Petersburg: ILI RAN. pp. 46–54.
5. Zhuravlev, A.F. (2023) Leksikograficheskie fantomy 13. SRNG, B–P (dopolneniya) [Lexicographic phantoms 13. SRNG, B–P (supplements)]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N.I. Tolstogo* [Word and Man: On the 100th Anniversary of the Birth of Academician N.I. Tolstoy]. Moscow: Indrik. pp. 123–135. doi: 10.31168/91674-692-1.1.9
6. Mikhaylova, L.P. (2009) [The quality of collected material and issues of compiling dialect dictionaries]. *Metodika polevykh rabot i arkhivnoe khranenie fol'klornykh, etnograficheskikh i lingvisticheskikh materialov* [Methodology of Field Work and Archival Storage of Folklore, Ethnographic and Linguistic Materials]. Proceedings

- of a Scientific-Practical Seminar. Petrozavodsk. March 23–24, 2009. Petrozavodsk: KSTs RAS. pp. 95–103. (In Russian).
7. Myznikov, S.A. (2023) Svodnaya dialektnaya leksikografiya: problemy verifikatsii v diakhronii [Consolidated dialect lexicography: problems of verification in diachrony]. In: Dobrova, S.I. (ed.) *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy: sbornik nauchnykh statey* [Problems of Studying the Living Russian Word at the Turn of the Millennium: Collection of Scientific Articles]. Voronezh: VSPU. pp. 174–180.
 8. Shapoval, V.V. (2013) Urovni verifikatsii slovarnoy fiksatsii redkogo slova [Levels of verification of the dictionary fixation of a rare word]. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Man and Language in the Communicative Space: Collection of Scientific Articles]. Vol. 4 (4). pp. 278–283.
 9. Dobrovol'skaya, E.D., Mantsvetova, A.I. & Orlova, V.F. (eds) (1971) *Sudebno-po-cherkovedcheskaya ekspertiza* [Forensic Handwriting Examination]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
 10. Rubtsova, I.I., Sokolov, S.V. & Sysoeva, L.A. (2005) *Kriminalisticheskoe issledovanie obshchikh i chastnykh priznakov pocherka* [Forensic Examination of General and Particular Characteristics of Handwriting]. Moscow: Ekspertno-kriminalisticheskii tsentr MVD Rossii.
 11. Seregin, V.V. (ed.) (2017) *Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza* [Handwriting Studies and Handwriting Examination]. 3rd Ed. Volgograd: Volgograd Academy of RF MIA.
 12. Myznikov, S.A. (2010) Verifikatsiya dannykh v dialektnykh leksikograficheskikh istochnikakh [Verification of data in dialect lexicographic sources]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 1 (55). pp. 75–78.
 13. Myznikov, S.A. (2016) "Slovar' russkikh narodnykh govorov": istochniki i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya ["Dictionary of Russian Folk Dialects": sources and their lexicographic interpretation]. In: Krylova, O.N. (ed.) *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium* [Word and Dictionary = Vocabulum et Vocabularium]. Vol. 14. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 500–520.
 14. Shapoval, V.V. (2010) Voronezhskie dialektizmy v "Slovarе russkikh narodnykh govorov" (problemy leksikograficheskoy dostovernosti) [Voronezh dialectisms in the "Dictionary of Russian Folk Dialects" (problems of lexicographic reliability)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 66–69.
 15. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2021) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vols 1–52. Moscow; Leningrad/Saint Petersburg.

16. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. 6 vols. Saint Petersburg.
17. Bobrova, M.V. (2014) Frazeofantomy v dialektnykh slovaryakh Permskogo kraia [Phraseological phantoms in dialect dictionaries of the Perm Territory]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* 2 (127). pp. 157–171.
18. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological Dictionary of Perm Dialects]. Perm: PSPU.
19. Ivanova, A.I., Borisova, E.N. & Boyarinova, L.Z. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Dialects]. 11 issues. Smolensk.
20. Zaliznyak, A.A. (2002) O ponyatii grafemy [On the concept of grapheme]. In: Zaliznyak, A.A. *"Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* ["Russian Nominal Inflection" with an Appendix of Selected Works on Modern Russian and General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 559–576.
21. Shapoval, V.V. (2009) V.I. Dal' i kritika slovarey: zaglavnoe slovo so znakom voprosa [V.I. Dal and dictionary criticism: headword with a question mark]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii.* 1 (17). pp. 158–181.
22. Fedorov, A.I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian Dialects of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otделение.
23. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. 5 vols, 6 books. Novosibirsk: Nauka.
24. Berezovich, E.L. (2023) O roli zhivogo materiala pri verifikatsii etimologicheskikh resheniy: sluchay chepukhi [On the role of living material in the verification of etymological solutions: the case of *chepukha*]. *Voprosy yazykoznaniya.* 3. pp. 77–98. doi: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98
25. Dal', V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd Ed. 4 vols. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie M.O. Vol'fa.
26. Ossovetskiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of the Modern Russian Folk Dialect (the village of Deulino, Ryazan District, Ryazan Oblast)]. Moscow: Nauka.
27. Shvedova, N.Yu. (2001) Avtor ili sostavitel'? (Ob otvetstvennosti leksikografa) [Author or compiler? (On the responsibility of a lexicographer)]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi* [Dictionary and Culture of Russian Speech]. Moscow: Indrik. pp. 13–16.

Сведения об авторе:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 11.11.2025*